

Сириус Блэк свернулся калачиком в своей форме Анимагуса, более известной как Падфут. Он не знал, как давно он здесь, но каждый день был безумием; он хотел защитить своего крестника. Дементоры высасывали из него все, кроме страдания и страха, оставляя его в еще большем ужасе за безопасность своего крестника. Гарри был где-то там, Мерлин знал где; поскольку он был его крестным отцом... если повезет, это была его кухня Андромеда, у которой Гарри остановился. Она была единственным светлым Блэком в семье, кроме него, который был где-то в мире. Самым тревожным было то, что Петтигрю тоже был на свободе; что, если ему удастся добраться до Гарри? Никто не верил, что предателем был Петтигрю; его приговорили к этой дыре без кровавого суда. Падфут скулил, не в силах сдержаться, когда дементоры втягивали его боль. Гарри, он должен был оставаться в здравом уме... рано или поздно они найдут Петтигрю... они просто должны были это сделать.

Его чёрная мордочка дёрнулась, голова вскинулась, когда он понял, что дементоры уходят. Это было крайне необычно, обычно они оставались на несколько часов, прежде чем снова оставить его в покое. Склонив голову набок, он стал пристальнее вслушиваться в то, что привлекло его внимание; внезапно он понял, что слышит разговор. Встав на четыре ноги, он направился к передней части камеры, пытаясь лучше слышать. В камере была крошечная тьма; даже будучи собакой, он не мог разглядеть, кто пришел. Но он услышал номер заключенного, за которым они охотились, и понял, что это он: черные цифры, написанные на одежде, которую он носил, были тщательно запомнены.

Почему они пришли за ним? Поймали ли они Петтигрю? Отскочив от двери, он направился в заднюю часть камеры, царапая длинными ногтями неровный цементный пол. Усевшись в собачьей форме на соломенную подстилку, которую ему дали, он снова превратился в исхудавшего, усталого, истощенного и измученного юношу. Его пронзительные голубые глаза следили за дверью. Что, если они пришли за ним, чтобы исполнить поцелуй Дементора? Сколько времени прошло? Здесь терялось всякое ощущение времени; единственное, что говорило о том, сколько времени прошло, - это случайные газеты, попадавшие в Азкабан. Когда люди из Министерства в последний раз пришли допрашивать кого-то, его окружали шесть заключённых в разных камерах, а допрашивали только одного. В газете было написано, что прошло всего две недели после того, как его поместили в это забытое Мерлином место. Ему хотелось превратиться обратно в Падфута, чтобы снова услышать их, но он был слишком измучен, чтобы сделать это. Ему нужно было беречь силы на случай, если дементоры придут снова. У него ушли годы на то, чтобы найти в себе силы превращаться в Падфута; это помогало ему сохранять рассудок. Только это, а также мысли о мести и о своем крестнике не давали ему покоя.

"Заключенный ХЮ390, Сириус Орион Блэк", - объявил глубокий, холодный голос одного из многочисленных охранников, содержащихся в тюрьме Азкабан. Ключ был вставлен в замочную скважину, и послышался громкий скрежещущий звук, когда дверь открылась.

Сириус затаил дыхание, не зная, хорошо это или нет; никто не навещал его с момента заключения, кто знает, сколько лет назад? Он поморщился и спрятал глаза грязной рукой, когда кто-то произнес заклинание Люмос, осветив маленькую камеру. Он давно не видел ничего столь яркого; единственный свет, который он получал, был небольшим пятном, когда на улице было светло. Это был единственный признак того, что в этой дыре наступил новый день. Неохотно он убрал руку, пока его глаза привыкали к свету. "Руфус?" - спросил он хрипло - почему его старый босс пришел сюда? Его сердце разорвалось, когда он одновременно

почувствовал, как через него пронеслась сотня различных эмоций. Страх, тревога, надежда, ужас, волнение, удивление, любопытство и все остальное. Он молился, чтобы Петтигрю был найден, чтобы его любимый крестник был в безопасности и чтобы его пребывание в Азкабана было отомщено. Может быть, они позволят ему провести несколько секунд наедине с маленькой крысой-убийцей, прежде чем его приговорят к тюремному заключению. Мысль о том, что они пришли, чтобы поцеловать его, не покидала его, но зачем тогда было приходить? Почему бы просто не вызвать Дементора?

"Привет, Сириус, - сказал Скримджор, его желтые глаза блестели в свете палочки, когда он рассматривал стоящего перед ним бывшего аврора. Он выглядел так, словно за последние десять лет похудел на три, может быть, четыре камня. Несомненно, Блэк так и сделал; он знал, чем кормят здесь, в Азкабана. Он шагнул дальше в камеру, его хромота была заметна. Сириус не удивился травме. Он вообще мало чему удивлялся; он наблюдал за Скримджором, как лев, готовый к нападению.

"Почему ты здесь?" прохрипел Сириус. Прошло много времени с тех пор, как он говорил; это было странно, и его рот и горло сразу же начали болеть.

"Тебя вызвал Визенгамот; твой суд начнется ровно через час", - сказал Скримджер.

"Почему сейчас?" Сириус скривился, поморщившись; ему казалось, что он глотает стекло. Чего бы он сейчас не сделал ради выпивки.

"Пойдем", - сказал Скримджер, помогая хрупкому волшебнику подняться, но не отвечая. По правде говоря, он не хотел быть тем, кто сообщит ему эту новость.

Сириус застонал, когда сильный волшебник поднял его на ноги. Зачем его вызвали в Визенгамот? Почему именно сейчас? Столько вопросов кружилось в его голове, пока его выводили из Азкабана в сопровождении Скримджера и охранника, открывшего ему дверь. Оба держали в руках свои палочки, словно не доверяли ему, но в Азкабана любой был бы сумасшедшим, если бы не держал свою палочку в кармане, окруженный Дементорами.

Он дрожал от холода, пока его вели к главной двери; порыв ледяного ветра, когда они вышли за дверь, заставил его содрогнуться. При дыхании у него изо рта вырывался пар. Скримджор усадил их обоих в маленькую двухместную лодку - единственный способ попасть на остров и покинуть его, если только у вас не было Портключа, который был привязан к чьей-то магии, и только этот человек мог им воспользоваться. Так стражникам удалось покинуть остров, не прибегая к помощи лодки.

Море начало сильно раскачивать ее, но вода не выплескивалась за борт, чтобы не намочить их. Когда оба уселись поудобнее, Скримджер выхватил свою палочку, пробормотал заклинание и одновременно взмахнул палочкой. Лодка начала двигаться, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, направляясь по прямой к берегу.

Сириус открыл рот, чтобы задать вопросы, но скорость лодки не позволила ему сделать ничего,

кроме как закрыть рот и попытаться остановить стук зубов от холода. Он не двигался так много лет, поэтому его тело уже чувствовало себя измотанным до предела. Благодарность пронзила его, когда лодка замедлила ход и он смог нормально дышать, не задыхаясь от резкого ветра.

В оцепенении он вышел из лодки, ведомый только Скримджором; он никак не был подготовлен к Аппарации. По прибытии его тело свело судорогой, и он упал на колени, вытянувшись во весь рост; в животе у него не было абсолютно ничего. Затем два человека помогли ослабевшему волшебнику подняться на ноги. От тепла здания Сириусу захотелось спать.

"Отнесите его в Медицинское крыло; не отходите от него", - сказал Фадж Аластору и Скримджеру. "Суд начнется через сорок пять минут; по словам Смита, ему нужно что-нибудь поесть перед приемом Веритасерума. Горячий шоколад тоже не помешает. Если он упадет в обморок, суд отложат на два дня - убедитесь, что он это понимает". Блэк выглядел совсем не так, как тот ненормальный волшебник, с которым он столкнулся десять лет назад. Если этот человек и был невиновен, он был рад, что это произошло не с ним - он был аврором, когда Блэка арестовали десять лет назад. Нет, в основном виноват был Крауч, который отравлял всех своими словами; конечно, ситуации не способствовало то, что общественность соглашалась с ним. Но как только его собственный сын Барти Крауч-младший был разоблачен как Пожиратель смерти, миру понадобился козел отпущения, и Крауч-старший стал именно таким козлом. Отмахнувшись от своих мыслей, Фадж понял, что должен пойти, надеть чистую мантию и сообщить в Визенгамот о том, что происходит. Он созвал Визенгамот; они дали разрешение на проведение испытания... несмотря на то, что было уже очень поздно, точнее, два часа ночи.

"Будет сделано", - сказал Аластор, прежде чем он со своей деревянной ногой и Скримджер со своей хромотой направились в Медицинское крыло.

"Что это такое?" - удивленно спросил целитель; обычно ему не приходилось иметь дело с узниками Азкабана. Он уронил свой сэндвич, когда вставал; он как раз собирался съесть свой "обед", поскольку дежурил уже шесть часов. Он работал в ночную смену, оказывая помощь всем, кто нуждался в лечении. В основном это были авроры, если у них были небольшие недомогания; более серьезные травмы отправлялись в больницу Святого Мунго. Сегодня ночью было особенно скучно и тихо, хотя за его дверями, конечно, было много разговоров.

"Сделайте для него все, что можете; через сорок минут у него суд", - сказал Скримджор, когда оба аврора, ворча, перенесли волшебника на кровать.

"Он в безопасности?" настороженно спросил Брайан.

"Мы остаемся", - громко заявил Аластор, бросив на целителя взгляд, который говорил о том, что он считает этого человека трусом.

Сириус прислушивался к разговору, чувствуя себя словно в альтернативной вселенной. Как бы он ни надеялся на это, он никогда не ожидал, что это произойдет. Он думал, что умрет в тюрьме Азкабан, и, возможно, он заслужил это; ведь это он предложил довериться трусливому

предателю. С таким же успехом он мог сам убить своих лучших друзей; он не стал бы винить своего крестника, если бы тот никогда с ним не разговаривал. "Ты уже сказал ему?" - услышал он слова Муди.

"Нет", - фыркнул Скримджор, в голосе которого звучало сильное раздражение.

Что сказал ему? Что они могли ему сказать, что так не хотели? Его сердце начало колотиться, пока зелья вливались в его неохотное горло. Последним зельем было зелье "Перечный дух"; он почувствовал, как просыпается, ощущая себя сильнее, чем когда-либо за долгое время.

<http://tl.rulate.ru/book/90599/2911803>